

КАК СОВЕТСКАЯ
ВЛАСТЬ
ИСПОЛЬЗОВАЛА
ПОХОРОНЫ
ДМИТРИЯ
ШОСТАКОВИЧА

ПАМЯТЬ

Соломон ВОЛКОВ

Если бы не Запад, то вполне вероятно, что Дмитрий Шостакович, умерший тридцать лет назад, до сих пор числился бы в России в списках уважаемых, но не актуальных мэтров соцреализма — где-то между Михаилом Роммом и Ильей Эренбургом. В последние годы жизни композитора советское государство весьма успешно кооптировало его имидж. Кульминация этот процесс достиг во время похорон Шостаковича в Москве 14 августа 1975 года.

Россия — страна тщательно разработанных государственных ритуалов. Особое внимание уделяется процедуре похорон на высшем уровне: важны каждый жест, каждое слово. Отметим — официальный некролог Шостаковича в «Правде» запоздал на три дня. Тогда говорили, что это случилось из-за того, что в некрологе Шостакович был назван «великим»: такое произошло чуть ли не впервые после смерти Сталина. Это надо было согласовать с самим Брежневым, а тот был на отдыхе, отсюда и задержка.

Брежнев и подписал некролог первым, за ним Андропов, маршал

Некролог
запоздал
на три дня

1962 г. ВСЕВОЛОД ТАРАСЕВИЧ

Посвященные знали, что интерес
к Шостаковичу в авангардных
кругах был близок к нулю

Прощальный ритуал

Гречко и прочие члены Политбюро в алфавитном порядке, а дальше пошла сложная лесенка имен, распутать очередность которых может сегодня только профессор-советолог.

Высшее руководство страны ни на официальной панихиде в Большом зале Московской консерватории, ни на похоронах не объявилось, но приехали достаточно крупные шишки — Пельше, Соломенцев, Демичев. (Теперь-то уж трудно вспомнить, кто они такие были.) Всем им до музыки Шостаковича было, конечно, мало дела, и это читалось на их каменных лицах.

Шостакович удивительным образом все это предчувствовал, описав в законченном двумя годами ранее вокальном цикле на стихи Цветаевой о том, как хоронили Пушкина: Такой уже почет,

что ближайшим друзьям —
Нет места. В изгласье, в изножье,
И справа, и слева —

ручищи по швам —
Жандармские груди и рожи.

Я был на похоронах Шостаковича, и эта музыка прокручивалась в моей голове вновь и вновь, как испорченная пластинка. Но внешне

все выглядело чрезвычайно благопристойно, что государству и требовалось. Выступили несколько композиторов, причем фигуры совершенно разные: Тихон Хренников, Георгий Свиридов, Родион Щедрин. Тогда их речи мне показались равномерно-официальными, но сейчас, вспоминая их, понимаю, что каждый из выступавших говорил от души. Власть в своей высшей мудрости позволила озвучить у гроба три разные точки зрения на Шостаковича.

Хренников утверждал, что Шостакович был «настоящим коммунистом», а партию считал «самой прогрессивной силой мира». Самое примечательное, что он и сейчас так полагает, о чем не устает повторять в своих интервью.

Свиридов говорил о том, что Шостакович — сын России, обладавший «душой великого человека». Убежден, что в тот момент он так и думал. Голос Свиридова при этом дрожал, он чуть не плакал. Щедрин, профессионал до мозга костей, пожалел о том, что Шостакович не успел довести до конца беспрецедентный в истории музыки замысел создания двадцати четырех струнных квартетов во всех тональностях.

Не был замечен у гроба Шостаковича никто из ведущих «нонконформистов». Сейчас, когда о Шнитке, например, регулярно читаешь как о наследнике Шостаковича, это отсутствие может удивить, а тогда казалось совершенно естественным. Посвященные знали, что интерес к Шостаковичу в авангардных кругах был близок к нулю.

Отечественным модернистам Шо-

стакович представлялся глубоко устаревшим автором академического толка, а либеральная интеллигенция отвернулась от него, когда Шостакович вместе с двенадцатью другими музыкантами подписал официальное письмо против академика Сахарова в 1973 году.

Лидия Чуковская выпустила тогда в самиздате немедленно растиражированное западными средствами информации заявление: «Подпись Шостаковича под письмом музыкантов против Сахарова неопровержимо демонстрирует, что пушкинский вопрос разрешен навсегда: гений и злодейство совместны».

Сказано было эффектно и беспощадно, хотя и не совсем точно. У Пушкина в «Моцарте и Сальери» афоризм «Гений и злодейство две вещи несовместные» вложен в уста Моцарту как утверждение, а не вопрос. Нарушивший этот постулат Сальери (по Пушкину, он отравил Моцарта) тем самым выводит себя из круга гениев.

Идея Пушкина в том, что Сальери, пойдя на это преступление, разоблачил себя как посредственность, ибо подлинный гений не способен на убийство. Этот пушкинский афоризм был особенно Шостаковичу близок, он часто его вспоминал. В своей подписи под антисахаровским письмом Шостакович глубоко раскаивался.

Как ни парадоксально, но именно Запад (точнее, западные любители музыки) оказался более снисходительным к политическим заблуждениям Шостаковича и более внимательным к его поздним опусам.

На Западе эта потрясающая музыка — не просоветская, не антисоветская, а универсальная: о старости, увядании, смерти, небытии, растворении в природе, музыка отчаяния и смирения — звучит в переполненных залах; авангардистам такое и не снилось. Это и есть лучшая память о Шостаковиче.

08.05

72